

она читаетъ философію. А надо тебѣ замѣтить, мы съ ней давно сговаривались побывать у схимника Евѣимія. Вотъ только приходимъ въ келью...

Раиса подробно затѣмъ рассказала, какъ она посѣтила схимника. Она была возбуждена и, сверхъ обыкновенія, болтлива. Щеки ея разгорѣлись, она опять чуть не расплакалась; потомъ вдругъ стала смѣяться, схватила Ѳедину руку и осыпала ее поцѣлуями.

Ѳеодоръ Игнатьичъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на жену. Онъ заставилъ ее принять лавро-вишневыхъ капель.

— Не надо было, другъ мой, обставлять свой визитъ къ Евѣимію такой таинственностью,—сказалъ Ѳеодоръ Игнатьичъ, ведя жену послѣ обѣда въ спальню, чтобъ она прилегла и отдохнула:—еслибъ ты мнѣ сказала, мы могли бы вмѣстѣ поѣхать въ лавру.

— Ахъ, нѣтъ, Ѳеда,—возразила молодая женщина,—вмѣстѣ съ тобой нельзя было! Ты поѣзжай къ нему одинъ и побесѣдуй съ нимъ, если хочешь. А при тебѣ я не была бы религіозна.

Ѳеодоръ Игнатьичъ разсмѣялся.

— О чемъ же мнѣ съ нимъ бесѣдовать?

— О томъ, Ѳеда... Слышишь, я ему сказала, что я не знаю, вѣришь ли ты въ Бога. Отчего я не знаю? Отчего ты ни разу не говорилъ со мной о Богѣ?

— Оставимъ, Раекъ, этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, скажи мнѣ: вѣришь ты въ Бога?

Вмѣсто отвѣта, Ѳеодоръ Игнатьичъ крѣпко поцѣловалъ жену и уложилъ ее въ постель.

— Сядь возлѣ меня, Ѳеда. Не уходи отъ меня! Еслибъ ты зналъ, какъ пріятно быть любимой! Ты за мною ухаживаешь, ласкаешь меня, какъ ребеночка, а я капризничаю, а я нехорошая, а я тебя обманываю...

У нея блестѣли глаза и дрожали губы. Свѣтъ падалъ изъ полузавѣшеннаго окна блѣднымъ лучомъ на золотистую голову Раисы, покоившуюся на бѣлой подушкѣ. Ѳеодоръ Игнатьичъ глядѣлъ на жену и думалъ: „Какъ она прелестна! Отчего я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ мысли, что она моя? Я до сихъ поръ дрожу возлѣ Раисы и загораюсь, какъ въ первый день моей любви къ ней“. Онъ взялъ ее за руку и взглянулъ ей въ глаза застѣнчивымъ, тихимъ взглядомъ.

— Ахъ, мой милый Ѳеда! Какая я несносная! Вотъ я наговорила тебѣ, что я тебя обманываю, и ты мучаешься, потому